

РАФИК ИСМАИЛОВ
Аспирант института
истории НАН АР
E-mail: rafik ismailov@yahoo.com

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАНСКО – АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (АПРЕЛЬ-НОЯБРЬ 1920 года).

Ключевые слова: Правительство, власть, АДР, военный.

Açar sözlər: hökumət, hakimiyyət, ADR, hərbi

Key words: government, power, ADR, military

28 апреля отряды XI Красной Армии осуществили оккупацию Азербайджана. Но, при этом, было заявлено о сохранении независимости Азербайджана. Речь, естественно, шла о формальном суверенитете. Но Азербайджан сохранял за собой многие из атрибутов независимого государства. Более того, правительство Советского Азербайджана всячески старалось продемонстрировать свою значимость. 30 апреля народный комиссар по иностранным делам Азербайджана М.Д. Гусейнов даже выступил с заявлением по поводу агрессивных действий Армении, и потребовал в категоричной форме вывести войска соседнего государства из территорий, принадлежащих Азербайджану. Однако, отныне, Азербайджан утратил возможность самостоятельного решения вопросов собственной безопасности и территориальной целостности. И, если азербайджанский нарком не сразу это осознал, то в Армении все происходящее оценили должным образом. Армения сохраняла свою независимость. 15 мая 1920 года в адрес дипломатического представителя АДР в Армении Теймур хана Макинского поступила телеграмма министра иностранных дел Армении Амо Огаджаняна, в которой сообщалось, что в связи со сменой власти в Азербайджане, представительство Азербайджана в Армении упраздняется. По существу, эта акция, явилась вопиющим нарушением дипломатического этикета. Армянское правительство, тем самым заявило, что отныне не признает существование самостоятельного Азербайджанского государства. Между тем, решение об упразднении представительства своего государства вправе было принять лишь само государство. Пусть даже, независимость которого, отныне, и приобретала формальный характер. Напротив, представительство Армении продолжало функционировать в Азербайджане вплоть до установления Советской власти в Армении. Очевидно, что дипломатическое представительство Армении могло действовать в Азербайджане лишь с согласия органов власти, согласовывающих свои действия с соответствующими органами в России. В этой связи возникает естественный вопрос о планах России в отношении соседних с Азербайджаном государств, в частности в отношении Армении. Представляется, что в планах высшего Советского руководства того времени не было однозначного мнения об оккупации в ближайшее время территории Армении и ликвидации армянской независимости. Лучшее всего об этом свидетельствует письмо заместителя народного комиссара по иностранным делам Льва Карахана от 29 апреля 1920 года в адрес полномочного представителя России на Кавказе Серго Орджоникидзе. В письме, ссылаясь на мнение Ленина, Карахан предостерегал против расширения наступательных действий в направлении Армении. Объяснял он это серьезными проблемами страны в связи с войной с Польшей. «Армения не представляет для нас интереса ближайшего... следует не переходить границ, установленных с ней старым Азербайджаном, спорные же территории не занимать, а разрешать спорные вопросы мирным путем».(1, л. 2-3). Чуть позже, в мае месяце Карахан уже, ссылаясь на мнение Сталина, вновь предостерегает против ухудшения отношений с Арменией. Тем не менее, он допускал возможность продвижения войск до установления «контакта с Турцией».(1) Противоречие высказывания Кара-

хана заключается в том, что установить «контакт» с Турцией было возможно лишь в случае продвижения по территориям, на которые претендовала Армения. Ссылка на то, что это делается в целях «предупредить всякую провокацию и национальную резню» вряд ли могла ввести в заблуждение кого-либо, в том числе и Армянское правительство по поводу истинных мотивов продвижения Красной Армии. Но какими бы противоречивыми не были высказывания Карахана, Красная Армия уже в мае действовала так, а не иначе. 11 мая 1920 года в приказе командованию Кавказского фронта было поручено «для прекращения резни в Шушинском и Зангезурском регионах выдвинуться в район Нахчыван-Ордубад-Шуша и впредь до разрешения вопроса о границах между Азербайджаном и Арменией смешанной комиссией правительств этих двух государств иметь в указанном районе гарнизоны, достаточно сильные для поддержания порядка и недопущения межнациональной резни».(2, с.31). В данном случае ссылка на необходимость предотвращения «резни» вряд ли убедительна. Очевидно, что Российскому руководству, очень уж, хотелось войти в непосредственное соприкосновение с турецкими войсками. Сделать это было возможно, лишь заняв территорию Нахчывана. В принципе, не возражая против армянских утверждений о принадлежности Нахчывана Армении, правительство Российской Федерации, обыгрывало тезис об опасности межнациональных столкновений для реализации своей главной задачи на тот момент: войти в непосредственный контакт с турецкими войсками. И это необходимо было Советской России для активного участия в торге с той же Турцией в вопросах о влиянии на Кавказе. Вот почему 18 мая 1920 года начдиву 32 дивизии XI Красной Армии Штейкеру была дана установка выслать «сильные отряды на Нахчыван-Джультфа-Ордубад с целью овладения».(3, с. 50). Вот этим и объясняется активность России на Нахчыванском направлении уже в мае-июне 1920 года.

Однако, в современной азербайджанской историографии постоянно присутствует мысль, что российская внешнеполитическая направленность была связана с желанием «подыграть» армянским интересам. В этой связи, И. Нифталиев приводит отрывок из письма Чичерина Ленину 29 июня 1920 года, в котором говорилось, что большая часть Карабаха, Зангезура, Шаруро-Даралагезского уезда, Нахчывана, Ордубада и Джультфы «находится фактически в руках Армянской республики, и речи быть не может о посылке азербайджанских аскеров против армян для отнятия у последних тех областей, на которые Азербайджану вздумалось заявить претензии».(2, с. 37). Безусловно, информация Чичерина с точки зрения достоверности, не соответствовала действительности. Армения не контролировала большую часть названных территорий. Объяснить причину такой недостоверности информации сложно. Скорее всего, сказывалась неаккуратность при составлении письма. При этом Чичерину, очень уж, хотелось обосновать идею об особой миссии Армении в будущей внешней политике Советской России. Но обосновать поведение Чичерина влиянием на него его заместителя армянина Карахана – это выглядит слишком упрощенным.(4, с.362). Да, действительно Лев Карахан (Караханян) был армянином. В большевистскую партию он вступил в 1917 году в составе группы, так называемых «межрайонцев», которую возглавлял Троцкий. Сталин крайне отрицательно относился к самой возможности поручить Карахану курацию Восточной политики Советской России. Именно в связи с его армянским происхождением. В одном из писем Чичерину в 1919 году он писал: «Наличие Карахана в Наркоминделе, армянина по национальности, единственного «восточного человека», призванного для внешнего мира представлять народы Востока, - режет слух и нарушает гармонию в нашей восточной политике, ослабляет силу и эффект нашей политики в глазах народов Востока и прежде всего мусульман».(2, с.29.). Данная выдержка из письма Сталина приводится в обоснование особой проармянской позиции Карахана. И выглядит, как проявление дальновзоркости Сталина. С этим очень трудно согласиться. Ведь тот же Сталин много позже согласился на совершенно нелогичный шаг: назначение в 1936 году Карахана на должность полномочного представителя СССР в Турецкой Республике. Правда через год Карахана отозвали и расстреляли. Тем не менее, назначение Карахана послом в Турцию никак не стыкуется с мнением Сталина, о том, что, армянин никак не может быть проводником восточной политики Со-

ветской России. Видимо, особое мнение Сталина в отношении способностей Карахана было связано, прежде всего с близостью того с Троцким. А изначальная неприязнь Сталина к Троцкому, как и ко всем, кто был с ним когда-либо связан, общеизвестна. В целом, «арменизация» внешней политики России в 1920 году в связи с персонализацией проблемы вряд ли может служить убедительным мотивом. Карахан был, все же большевиком. И, на тот момент, безусловно, был сторонником мировой революции. Как и все армянские коммунисты, он рассматривал советизацию Азербайджана как промежуточный этап на пути к мировой революции. Конечно, в душе каждого армянского коммуниста, жила надежда, что после Азербайджана Советская власть придет и в Армению. Но до тех пор они рассматривали Азербайджан, как очередной плацдарм расширяющейся мировой революции и в целом выступали за территориальное расширение этого плацдарма. Ничем другим нельзя объяснить, что до поры до времени армянские коммунисты, в своем большинстве, активно поддерживали борьбу Азербайджана за сохранение в его составе Карабаха, Зангезура и Нахчывана. Только этим можно объяснить, что в телеграмме, направленной группой кавказских коммунистов 18 июня 1920 года в адрес Чичерина, наряду с подписями Н. Нариманова, присутствуют подписи члена ЦК Азербайджанской Компартии Анастаса Микояна и члена ЦК Компартии Армении Нуридджаняна. В телеграмме, в частности, говорилось: «Что же касается якобы спорных Зангезура и Карабаха, уже вошедших в состав Советского Азербайджана, категорически заявляем, что эти места бесспорные и впредь должны находиться в пределах Азербайджана. Джульфинский и Нахчыванский районы сплошь заселены мусульманами, больше года оторвавшиеся и силами местного населения оборонявшиеся против дашнакского правительства. Как в видах военных, так же и в целях непосредственной связи с Турцией, они должны быть заняты нашими войсками и присоединены к Азербайджану».(5, с. 35).

Таким образом, вряд ли есть основания позицию российской власти по отношению к конфликту между Азербайджаном и Арменией сразу после советизации Азербайджана увязывать с воздействием армянских коммунистов. Позиция Советской России, на тот момент, была связана с последующими планами. А планы эти, вовсе не предусматривали советизацию Армении, во всяком случае, в ближайшей перспективе. Наиболее конкретно, об этих планах Чичерин высказался в письме Нариманову в июле 1920 года. Он писал, что ситуация вынуждает идти на компромиссы с дашнакским правительством. «Это необходимо уже по тому одному, - подчеркивал Чичерин, - что единственная настоящая связь с Турцией может быть только через Эривань и поэтому нам необходимо установление договорных отношений с Арменией, не говоря уже о том, что в случае успеха Кемаля в Турции может произойти изменение ориентации, устранение демократических элементов старой бюрократией и милитаристами и возобновление попыток отхватить в пользу Турции значительную часть Кавказа». Он добавлял: «Нам необходимо наладить отношения и с Арменией, ибо может случиться, что если Турция повернет против нас, Армения, даже дашнакская, будет форпостом в борьбе против наступления турок. С такой возможностью, следует считаться». (6, с.255).

Аргументацию Чичерина вряд ли можно назвать логичной. Уже хотя бы потому, что успехи движения Мустафы Кемаля он напрямую связывал с победой консервативных элементов и реваншистских сил в Турции. Он явно переоценивал возможности Турции в приобретении новых территорий на Кавказе, недооценивал антитурецкую направленность внешнеполитических акций стран Антанты. Иначе говоря, Чичерин явно находился под влиянием прежних, устаревших представлений традиционной русской дипломатии о целях и возможностях турецкой внешней политики. Именно поэтому он отводил Армении роль буфера в последующем, как ему казалось, неминуемом противостоянии России и Турции. Отсюда и использование по отношению к Армении понятие «форпоста» - термина, который будет использован по отношению к этой стране одним из руководителей России много десятилетий спустя в иных условиях и по другому поводу. Но, смысл останется прежним.

Как бы то ни было, тогдашний глава внешнеполитического ведомства России явно тяготел к учету территориальных претензий Армении по отношению к Азербайджану. И это сказывалось в период российско-армянских переговоров, которые велись, с перерывами на протяжении всего лета 1920 года. Еще 25 мая 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение вести переговоры с Арменией, с учетом признания ее довоенных границ.^(7, с. 495). Переговоры велись и сразу же выявилась склонность российской стороны согласиться с требованиями армянской стороны по вопросу о передаче им Карабаха, Зангезура и Нахчывана. При этом, азербайджанская сторона на переговоры приглашена не была. Территориальная целостность Азербайджанской ССР была поставлена под сомнение. Это серьезно встревожило, как политическое руководство республики, так и Кавказское Краевое управление РКП(б). Мотивы недовольства такими действиями высшего Российского руководства у Азербайджана и Общекавказских коммунистов были разными. Глава Кавказского Краевого Комитета большевистской партии по поводу ведущихся переговоров в Москве Серго Орджоникидзе в записке Сталину и Чичерину писал: «...мое глубокое убеждение, что для укрепления Советской власти в Азербайджане и сохранения за нами Баку нужно присоединить Нагорный Карабах. Он всегда являлся Азербайджанской и Зангезурской. Другое решение этого вопроса сделает шатким наше положение в Азербайджане и ничего не выиграет и Армения... Разрешите довести до вашего сведения, что такое отношение к Азербайджану сильно компрометирует нас в глазах широких масс Азербайджана и создает в высшей степени благоприятную почву для работы наших противников».^(5, с. 33). Чуть позже Орджоникидзе в телеграмме Ленину, Сталину и Чичерину сообщал: «Считаю необходимым подождать с миром с Арменией до приезда представителей Азербайджана».^(1, оп. 14, д.5, л.1). Категорически по этому вопросу высказалось и руководство Компартии Азербайджана. 15 июля 1920 года Политбюро ЦК АКП(б) приняло постановление, в котором говорилось «Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану».^(2, с.45).

Серьезные возражения по поводу ведущихся в Москве российско-армянских переговоров и, в особенности, в связи с содержанием этих переговоров, сомнения некоторых высших партийных иерархов относительно целесообразности уступок Армении, затормозили переговоры, а затем привели к их приостановке. Однако, по инициативе российской стороны в конце июля переговоры были продолжены. Назначение в Армению специального представителя РСФСР Бориса Лигана, обладавшего широкими полномочиями, ускорило процесс заключения соглашения между двумя сторонами. 10 августа между РСФСР и Арменией было подписано предварительное мирное соглашение. В рамках этого соглашения был решен ряд спорных вопросов, которые, по сути, подлежали обсуждению при участии как минимум в присутствии представителей Азербайджана. Армянской стороной было легализовано присутствие российской армии в областях Карабах, Зангезур и Нахчыван. При этом вопрос о правах Азербайджана на эти территории, хотя не оспаривался, но и не ставился. Железная дорога Шахтахты-Джюльфа передавалась под контроль Армении.

Причины заключения договора между РСФСР с Арменией 10 августа 1920 года до сих пор не получили в историографии должной оценки. Почему Армения, обуреваемая амбициями и высокомерием, не признавая Азербайджан независимым государством, чувствуя уступчивость российской стороны, согласилась отложить вопрос о территориальных приобретениях за счет Азербайджана?

После заключения соглашения, представители российской власти чувствовали себя весьма уверенно. Накануне подписания соглашения Орджоникидзе сообщал в Центр: «Район Нахчывана занят нашими войсками. Лиган сегодня подпишет соглашение с Арменией о прекращении военных действий. По этому соглашению Армянское правительство выражает свое согласие на занятие нашими войсками уже занятого нами района». ^(1, оп.14, д.5, л.10). Лиган же с воодушевлением информировал Орджоникидзе: «Сегодня я дал согласие представителям Армянского правительства на прекращение военных действий на следующих условиях: Армянское правительство отводит свои войска за пределы Зангезура и Нахчивани до Шахтахты ...

Армянское правительство дает официальное согласие на занятие нашими войсками Нахичевани, Зангезура, Енгяляурского тракта и района Базар чая до указанного тракта. На этих условиях мы принимаем обязательства немедленного прекращения военных действий и отвода наших частей из района Иджеванского уезда на границу Казахского уезда... Наши войска продолжают движение на Нахичевань».(1, оп.14, д.9, л. 12). Понять российскую сторону было несложно: удалось выйти на непосредственный контакт с турецкими войсками, узаконить свое пребывание на значительной территории примыкающей к Армении. Орджоникидзе чуть позже достаточно самодовольно телеграфировал Лигану: «Турки по сообщению Чичерина настаивают на занятии Шахтахты, так как в противном случае дорога, проходящая через последний пункт, отрезается. Придется по ошибке занять Шахтахты».(1, оп.14, д.10, л.1). В отличие от российской стороны азербайджанские руководители были весьма встревожены поведением России. Не без основания они полагали, что российско-армянский договор приведет к отторжению в пользу Армении части территории Азербайджана.(2, с.49). Видимо ни российские, ни азербайджанские деятели в силу не информированности, или недостаточной информированности, не знали полностью мотивы, которыми руководствовалось армянское руководство, заключая соглашение с Россией. Между тем, 10 августа 1920 года, в тот же день, когда было заключено российско-армянское соглашение, был заключен Севрский договор, сводившийся к расчленению Османской империи, а, по сути, к попыткам ликвидации Турецкой государственности. Согласно условиям Севрского договора предполагалось значительное приращение территории Армении за счет Турции. Поскольку гарантами соблюдения условий Севрского договора выступали ведущие участники Антанты, в Армении были уверены в реализации мечты националистов о создании «Великой Армении. Вполне вероятно, что Россия, озабоченная неблагоприятно складывающейся ситуацией в войне с Польшей, не предусмотрела всех последствий соглашения Армении по этому поводу со странами Антанты. Между тем в сентябре 1920 года Армения начала вести активные боевые действия против революционного правительства Турции, возглавляемого Мустафа Кемалем, иными словами против тех сил, которые отказывались признавать условия Севрского договора. Вопреки надеждам армянских стратегов, война с Турцией сразу же выявила тщетность надежд на победу агрессора. Армянские войска сразу же обнаружили свою полную небоеспособность, и стали терпеть поражение. Тем не менее, руководители внешней политики России вновь попытались использовать Армению в качестве пресловутого «форпоста». Только этим можно объяснить подписание 28 октября в Ираване мирного договора между РСФСР и Арменией. Этот договор, на деле не имел какого-то значения, поскольку Армения войну проигрывала, а Чичерин заключением договора тщетно стремился обосновать верность прежней политики в отношении Армении. Бессмысленность политики Чичерина выражалась хотя бы в том, что согласно договору Армения, хотя и отказывалась от Карабаха, но приобретала Зангезур и Нахчыван. (8, с. 728). Это понимали тогда многие. И не случайно на совместном заседании Политбюро Азербайджанской Компартии совместно с Кавказским бюро ЦК РКП(б) 4 ноября 1920 года, на котором присутствовали Сталин, Орджоникидзе, Лиган и другие, было принято решение по поводу последнего российско-армянского договора, в котором, в частности, говорилось: «Предложенный пункт о передаче Армении Нахчывана и Зангезура невыгодно ни в политическом, ни в стратегическом отношениях и может быть проведено лишь в крайнем случае».(2, с.55-56).

Уже скоро стало ясно, что заключенный 28 октября 1920 года российско-армянский договор лишен смысла. Спасая Армянскую республику Россия вынуждена была отказаться от планов создания из Армении «форпоста», присоединив ее к своему государству. Тем самым начался новый этап развития Азербайджано-армянских отношений в рамках единого государства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ) Ф. 85
- 2 И. Нифталиев. Азербайджанская ССР в экспансионистских планах армян. Баку, 2010, 289 с.
- 3 Интернациональная помощь XI Армии в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Документы и материалы (1920-1921). Баку, Азернешр, 1989, 195 с.
- 4 Köçərli T.K. Qarabağ: Qarabağ tarixinin saxtalaşdırılması əleyhinə. Bakı, Elm, 2002, 472 с.
- 5 К истории образования Нагорно-Карабахской Автономной Области Азербайджанской ССР 1918-1925. Документы и материалы. Баку, Азернешр, 1989, 334 с.
- 6 Р. Мустафа-заде. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922гг. .М, МИК, 2006, 355 с.
- 7 Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, Мацниереба, 1971, 682 с.
- 8 Документы внешней политики СССР. Т. II, М., ПОЛИТИЗДАТ, 1958, 803 с.

RAFIQ İSMAYILOV

Azərbaycan Elmlər Akademiyasının

A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutunun aspirantı

E-mail: rafik ismailov@yahoo.com

Sovet Rusiyası və Azərbaycan-Ermənistan münasibətləri (aprel-noyabr 1920 illər)

Məqalədə Rusiyanın Azərbaycanı işğal etdikdən sonra regionda siyasətin formalaşmasından danışılır. Bununla əlaqədə Rusiyanın Ermənistana qarşı siyasətin formalaşmasının regionda Türkiyə faktoru ilə sıx bağlılığı göstərilir. Ermənistanın Rusiyanın xarici siyasətində tarixən Türkiyəyə qarşı forpost kimi istifadə olunması faktları açıqlanır. Qeyd olunan prosesdə Ermənistan tərəfindən iddia olunan torpaqların Azərbaycandan ayrılmasına Rusiyanın ayrı-ayrı yüksək səviyyəli partiya nümayəndələrinin mövqeyi xüsusi maraq kəsb edir.

RAFIK İSMAYILOV

Obtaining PhD title in Institute of History of

National Academy of Sciences

E-mail: rafik ismailov@yahoo.com

Soviet Russia and Azerbaijani-Armenian relationships (in April-November 1920 th)

States about the formation of Russia's policy in the region after occupying Azerbaijan. The formation of Russia's policy towards Armenia demonstrates being in close connection with "Turkish factor" in the region. The article discloses the historical fact of Russia "using" Armenia as fore-post against Turkey. In the whole process, the special attention is driven to opinions of different high level party leaders of Russia related to Armenia trying to separate desired Azerbaijani territories.

Rəyçilər: dosent A.Cəlilov, t.e.d. T.T. Vəliyev

Bakı Dövlət Universitetinin Slavyan ölkələri tarixi kafedrasının 20 may 2010-cu il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (protokol №5)